

СЕРГЕЙ НЕЛЬДИХЕН

**ОРГАННОЕ
МНОГОГОЛОСЬЕ**

ПЕТЕРБУРГ

1. ПРАЗДНИК (ПОЭМОРОМАН) ч. I
2. ТРЕТЬ ГОДА (СТИХИ)

МСМХХII

1. ПРАЗДНИК (ПОСМОТРИТЕ)

2. ТРЕТЬЕГО ДНЯ (СКИН)

МНОГОГОЛОСЬЕ

*И все-таки нет никого,
кому радостно мог-бы посвятить я
книгу мою.*

ПРАЗДНИК

МОНХИИ

ПРАЗДНИК

написано—1920 г.

ПРАЗДНИК

I

— Лаборатория для медицинских исследований; —
— Зайду, отдам свою кровь исследовать, —
Пусть посмотрят, из чего состоит моя кровь;
Конечно, там нет ни разных спиралей, ни запятых,
ни палочек;
Может быть, найдут в ней что-нибудь новое,
От чего я такой органический, — величественный, про-
стой и радостный...
Сегодня день моего рожденья;
Мои родители, люди самые обыкновенные,
Держали меня в комнатах до девятилетнего воз-
раста,
Заботились обо мне по—своему,
Не пускали меня на улицу,
Приучили не играть с дворовыми мальчиками,
А с моими сестрами сидеть скромно у парадной
лестницы
На холщевых складных табуретках.
Отец мой садился рядом со мною,
Рассказывал неинтересное
О каких-то своих турецких походах.

Вечерами я садился на подоконник,
Смотрел на улицу, на фонари керосиновые,
А отец мыл чайные чашки и стаканы,
И не потому, что у нас прислуги не было,
А потому, что ему нечего было делать,
Как всякому отставному воину;
При свете утра и стеариновой свечки,
Когда в комнатах тени желтоголубые,
Я сам научился читать азбуку;
Мне также хотелось учиться музыке,
Но на нашем рояле не действовали клавиши;
Я тихо плакал, когда пели в русском соборе,
И в особенности, когда в костеле орган играл;
У меня не было ни богатой библиотеки,
Ни бонн, ни гувернанток, ни хороших учительниц,
Была картавая белобрысая барышня,
Немка Люция Эдуардовна Виссор;
К гимназическому экзамену
Меня приготавливал бритый восьмиклассник...
Как его фамилия?—кажется, Швейдель.
Был я мальчиком скромным, боязливым,
Не дружился с товарищами,
Перешел в следующий класс с листом похвальным;
Через год меня взяли из гимназии,
Продали за пять рублей мое пальто гимназическое,
Увезли из южного города,
Отдали весной в казенный пансион.
Помню—мои новые товарищи
Меня больно поколотили
За то, что как-то сказал я,

Совсем для себя неожиданно,
Что я выше всякого начальства
И что, по-моему, бога нет...
Нет ничего хуже, чем жизнь в общежитии,
— Зачем меня отдали в казенное зданье,—
Я так завидовал гуляющим гимназистам.
Потом,—военная служба, то-же общежитие,
Люди для меня из школьных зверенышей
Превратились тогда в двулапых животных.
Потом—война... только глупые, иль корыстные
Могут подставлять свои лбы под гранаты,
Быть героями в стадных делах;
Я, сидя в окопах, однажды не вытерпел,
Схватил револьвер, обернул дуло тряпкою,
Прицелился, выстрелил в нижнюю часть ноги,
Промахнулся,—отлетел только сапожный ремень...
А теперь, наконец, я свободен,
Могу зажить своею жизнью,
Могу носить не казенное платье,
Могу гулять, когда мне вздумается,
Могу заниматься делами любимыми,
Могу жить в собственной квартире в полном оди-
ночестве!

— Вот почему я такой радостный,
А кровь у меня, как у всех людей,
С разными там инфузорными палочками!..
Но все-таки удивительно,
Если вспомнить мое прошлое,
Отчего я как-то сам по-себе знаю все, что мне
нужно,

Отчего стал я радостным, успокоенным, дерзающим,
Безгрешным, нечувствующим ни к кому ни малей-

шей злобы,

Требующим только одного от своих современников—
— Они должны знать мою фамилию;

Отчего ощутил себя человеком будущего,
Нелюбящим ни религии, ни таинственностей, ни
отечества...

Пойду в закусню,—закажу себе обед именинный...

— Зачем вы, гражданин, толкаетесь и хихикаете?—

Это я толкаюсь? — несколько; ну тогда простите...

И теперь в моей новой, моей радостной жизни

Нужны мне друзья,—люди на меня, хоть немного,
похожие.

Хочется крикнуть евангельским голосом,

Как принято, когда хотят сказать торжественное:

— Приидите ко мне все дерзающие,

Величественные, полнотелые, лицом прекрасные,

Свободные и простые,

Разгуливающие праздно по улицам,

Живущие только для того, чтобы жить!

II

Орган выдыхает круглый воздух,—
Гобои, фаготы, флейты, кларнеты,
Пастушеские свирели, деревенские гармоники,
Арфы и литавры...
Сосновый лес, деревни, ручьи, весна, облака,
солнце...

Вздуродражилась воздух во всей зале,
В углах, в окнах, под потолком загудел,
Задвигался в моей сжатой ладони, щекочет кожу,
Расширился внутри меня, давит на легкие!..
Отныне только слабонервные старцы
Пусть слушают скрипок пискливый скрип!—
Завтра-же издам пятисотстрочный декрет:
Все, кому еще тридцать лет не минуло,
Обязаны с восходом солнца собраться в церквах
И вынести оттуда на руках органы,
Установить их на стеклянных пьедесталах
Посреди городских площадей и лесных полян;
Каждый вечер, каждый праздничный день,
В послерабочее время,
Все должны выходить на площади и в леса
На общенародные гулянья,—

И когда завдыхают органы,
Всякий почувствует себя свободным и сильным,
Здоровым, простым и бессмертным;
Если церковные окажутся тихими,
Прикажу выстроить органы новые,
Подобные старинным колонным соборам!..
Средневековые хитрые папы,
Чтобы церкви свои назвать божественными,
А себя апостольскими преемниками
На хорах церковных ставили органы.—
Я не желаю называться преемником апостолов,
Поклянусь, что никого не хочу обманывать,—
Я ставлю органы на площадях и полянах,
Чтоб всякий увидел себя сидящим на облаках!..
Уверен—Иисус тоже любил всё величественное,—
Для себя он избрал имя сына божьяго,
— В его время слово бог было символом всего
самого величавого.
Иисус был великий, но односторонний мудрец,
И слишком большой мечтатель и мистик;
Если бы он был моим современником,
Мы бы все—же сделали с ним многое, очень мно-
гое!..
— Секретарь, бери карандаш, пиши под диктовку
декрет!..

III

За летние месяцы в печке набралось много бу-
маги—
Скомканные черновики, папиросные коробки и
окурки;
Одной спички довольно, чтоб печку разжечь.
Вспыхнула серая бумага, рыжесиняя кайма попол-
зла по ней, затрещали щепки,
Тепло, светло, пахнет смолой и яблоками,
Медленно дышится..
Было-б сейчас совсем хорошо,
Если бы со мной сидела на коврике женщина,—
Когда так тепло и покойно,
Невольно хочется любовных удовольствий,
Когда в такие минуты женщины нет,
Разве может не думать о ней всякий мужчина?..
Женщины—двухполовиноаршинные куклы,
Хохочущие, бугристотелые,
Мягкогубые, прозрачноглазые, завитоволосые,
Носящие веселожелтые распашонки и матовые
висюльки-серьги,
Любящие мои альтоголосые проповеди и плохие
хозяйки—
О, как волнуют меня такие женщины!..
По улицам всюду ходят пары,

У всех есть жены и любовницы,
А у меня нет подходящих;—
Я совсем не какой-нибудь урод,
— Когда я полнею, я даже бываю лицом похож
на Байрона.

Тех, которым я нравлюсь, но которые мне не нравятся,

Я тех не целую,—
От них пахнет самым неприятным мне запахом,
Запахом красной икры..

Рая,—где она теперь?—

— Глупая, она меня променяла на толстого учителя
из Смоленска.

Когда узнал я это, я вошел в ее комнату,
Хотел только сказать Райке, что она глупая;
Ее не было дома,—я не стал ожидать,—
Увидел на ночном столе электрический карманный
фонарь,

Подаренный мной прошлой осенью,
Сунул его себе в карман и вышел...
Где теперь Рая?—еслиб я ее встретил,
Я бы женился на ней!..

Фу,—подставлю затылок под кран,
Надо успокоиться...

— Странные женщины,—попробуй сказать им:
Поцелуй это то же, что у собак обнюхиванье.
Целуя женское тело, слышишь иногда,
Как в нем переливаются соки;
— Я знаю из чего состоят люди,
Но мне ведь это нисколько не мешает целовать.

Итак, мы знаем, что это не
— потому что...
— Попробуйте...
Оно...
— Итак, мы знаем...
— Итак, мы знаем...
Итак, мы знаем...

IV

В небе выключили вентилятор,—
Не проветриваются с утра
На земле кривые закоулки,
Отсыревшие росистой ночью.
Липнет потная косоворотка;
Отдохну, пока подует ветер,—
Ведь давно подмечено: затишье
Ветренной сменяется погодой.
Люди выдумали не случайно
Миф веселый о загробной жизни;
Нету дела мне до мертвецов—
— Верить в смерть позорно человеку.
Тот, кто в мире выстроил машины,
Не открыл ремонтных мастерских,
Разбросал и закопал повсюду
Материалы нужные в починках.
Инженеры, химики, врачи
Вам известно, что такое смерть,—
Вы уже открыли мастерские,
Но не все собрали инструменты.

На сто лет моей машины хватит,
Но потом потребуется смазка,—
— Пospешите,—вам всего осталось
Около семидесяти лет...
Что же не включают вентилятор?
— Надоело на песке валяться!..
Небо—еле вздутое полотнище,
Потолок передвижного цирка.

V

Заглавными буквами Т
Торчат трамвайные столбы;
Решеткой связанный в пук
Серым облаком сад навис
Над разлинованной жестью мостовой;
Небо цинковое просвечивает через стекла домов...
Тричетверти города, должно-быть, сейчас любовью
занимаются...
Закрыв глаза;—
Выросли подсолнечники на зеленоватокрасночер-
ном поле,
Закачались,—высыпали незрелые, белые, легкие
семена,—
Рассыпались семечки, полетели вверх, вниз,
Сыпятся, сыпятся...
— Звезды!
Каждое семечко—звезда,
Каждый подсолнух—звезда, планета!..
Поле размякло, посерело, набухло,
Запахло нагаром солнечным...
— А где земля?
— На землю хочу!—

— Софья Андреевна,
Хотите веселья, хотите радости, хотите любви,
Хотите много яблок, груш, ярких платьев, цве-
точного воздуха?!

— У вас всё это есть?

— Всё есть, всё может быть, всё будет!

Я познакомлю вас с моими друзьями,—

Из всех людей я выбрал пока восемь в друзья себе

У нас недостает одной женщины,—

И хочу, хочу, чтоб вы были с нами!..

— Любви, положим, теперь нет;

Но всё—равно, женщине теперь нужно одно:

Забиться...

Хорошо,—пойдемте.—

— Нет, не сейчас.

Мы уедем отсюда куда-нибудь далеко, далеко

И устроим жизнь нашу так, как нам захочется...

Вот мы проходим мимо дома, где живу я.

Можно пока пригласить вас ко мне?

— Ладно.—

— Вышел на полчаса посидеть у сквера,

Не ожидал, Софья Андреевна, такой встречи...

Да, да, в эти ворота...

А любопытно, что было-бы, еслибы вдруг испол-
нились желанья всех людей?—

Наверно, не было-б ни людей, ни земли, ни мира...

VI

Летними вечерами мы играем в прятки, в горелки,
в жмурки,—

Дети, когда вы играете, вы не бываете так веселы,—

Вы веселитесь, прыгаете, потому что в вас много

мышинного, стрекозиного, заячьего,

Ваше веселье и ваша дружба недолговременны и

случайны,—

Кто-нибудь из вас упадет, разобьет себе нос,—и

вы плачете,

У вас есть крикливые мамы и папы, которых вы

боитесь,

Или добрые,—которых вы не хотите огорчать сво-

ими шалостями,

Среди вас много наследственных меланхоликов и

калек,

У вас много предрасудков и страхов.

Мы же взрослые мужчины и женщины,

Мы все влюблены друг в друга,

Нам приятно видеть мир таким, как он есть в

действительности,

— Не лучше и не хуже,

Не больше и не меньше,

У нас нет никого, кого бы мы боялись,
Кто мог бы запретить нам делать все, что мы
желаем,
Мы все равны между собою
И выбираем игроводителя не по величине муску-
лов и не по возрасту.
В нашей кампании пять мужчин и столько же жен-
щин.—
Люди, все смотрите, все невошедшие в нашу кам-
панию,
Как мы счастливы, как мы радостны!—
—Мы никогда не скучаем, ибо мы не желаем скучать,
Мы слушаем только вагнеровскую, скрябинскую му-
зыку
И музыку больших концертных вальсов и амери-
канских танцев,
Мы не грустим, ибо мы всегда имеем возможность
Удовлетворять свои любовные желанья,—
Любовная неудовлетворенность—первопричина вся-
кой грусти...
Земля плавно поворачивается вправо,
Сосны загораживают от нас солнце,
Но солнца ничем от нас не загородить,—
Оно отражает свой свет в поверхностях предметов
неисследованного,
И поэтому бесконечного пространства.
В виде торопливых точек—зажигаются звезды,
И мы усталые настолько, что нам видна каждая
травяная жилка,
Отмываем себе с ног серозеленые пятна,

Бежим на огороды и в сады, посаженные самими
нами,
Едим прямо с кожурой липкосочные фрукты,
Женщины выбирают каждая того мужчину,
К которому ее наиболее влечет в этот вечер,
И мы разбредаемся кто куда хочет,
А на утро не спрашиваем друг у друга, кто как
провел ночь...
Люди, вы должно быть нас назовете легкомыслен-
ными и глупыми.
— Что-ж, может быть мы самые легкомысленные
'самые глупые!..

VII

— Скажите пожалуйста: тут живет Илья Радалёт?
— Да, здесь.
— Не будете-ли вы любезны показать, как пройти к нему?
— Любезным не буду, а показать—покажу
Вот за горою—крыша; подымитесь—и найдете...

— Ах, как красиво!
Гиацинты, левкой и еще много, много цветов!
Жалко итти по ним, да нет нигде аллей.
Дом весь в повители...
А вон люди.
Что это с ними?—В цветных доколенных рубахах,
ноги голые, голые руки;
И женщины с распущенными волосами.
Нет, это не крестьяне;—смеются, целуются...
Собрались все и вдруг гикнули и побежали...
Объявление на дереве:
мещанам, барышникам, учителям школ для сред-
неграмотных, врачам больниц для дефективных и
недоношенных и надзирателям исправительных
домов вход строго...

— Первая, первая, я—первая!..
Вбежала женщина раскрасневшаяся, — закидывает
волосы,

За ней мужчины и другие женщины...

— Илья? — Это он, конечно он... в помятой доко-
ленке, обветренные щеки,
пятки в грязи, пополнел...

Остановился, нахмурился...

— Рая?!

— Приехала в деревню, — случайно узнала, что и
вы здесь...

Но, Ильюша, мне неудобно всё рассказать...

Кто они женщины, мужчины?..

— Слышите, слышите, все слышите!

Ведь это Рая!

Альберт, Александр, Герасим, кому не нравится
Рая?..

— Ильюша, как вам не стыдно.

— Подожди... Павел, а тебе?..

Идите, друзья, отдыхать, потом на работу;

А мне простится случайное мое безделье...

Руку, Рая, и побежим! —

— Тише, тише—не поспеваю.

Что с вами, Ильюша? Как несовестно вам так
встречать меня, —

Вы—нечуткий.

— Райка, ведь я рад, я рад!

Неужели тебе хотелось-бы, чтоб я плакал?..

Сейчас ты, наверно, будешь рассказывать о
себе, —

Только, прошу,—не говори о неудачах своих,—
Всё-равно не тронешь, не удивишь.
Была ты в театрах, замечала?—
На сцене—слезы, а в публике—нетерпенье и хохот.—
Всем надоели собственные слезы,
Всем надоело чужое нытье.

Долой драму!..
Вот наш сад фруктовый, длиннотенистый;
Это—бывшее владенье какого-то графа,
Расстрелянного во время крестьянских восстаний;
Мы поселились в его усадьбе,
И она теперь—наше владенье...
Раенька, куколка, не мрачней,—
Ну хочешь,—я сам расскажу тебе, что с тобой

было,—
Ведь, право-же, ничего особенного ни с кем не
случается.

— Ничего подобного,—я так много пережила...
Да, не называйте меня, Ильюша, куклой...
Оставьте целовать мою ногу,—чулки пыльные...
Ильюша, вы не забыли еще меня?—
Хоть немного любите?

— Ну разве ты не видишь!
В любви об'ясняются только в романах,
В жизни никто этим не занимается,
Всегда все ясно.

— Помнишь, Ильюша, наши встречи в Городском
саду зимою?

Ты втаскивал на веранду летнего заколоченного
театра тяжелую скамью,

Мы сидели, и так было приятно;
Вечером сад закрывался,
А мы, потихоньку от сторожа, перелезали через
забор.

Тогда ты был совсем другой...

— Илья, ты здесь?

— Герасим, ты? И Софья?—Что вам надо?
Вы подслушивали?

— Нет; но имей ввиду: Рая будет лишняя,—
Мужчины не хватит.

— Какого мужчины?—Ах да,—понял.

Ничего, Софья;—что-нибудь выдумаем,—будет еще
веселей.

— Тебя, Илья, все-таки зовут, на работу.

— Передай, Герасим, всем, что свобода и любовь—
прежде всего!

Иди и не мешай мне...

— Ушли. Ильюша, как у тебя здесь странно всё.

Кто эта Софья?—

Отчего она презрительно и зло смотрела на тебя?—

Я почувствовала ее взгляд.

А Герасима я встретила у ваших ворот.

Расскажи же всё, всё о себе.

— Все эти женщины—мои любовницы,

Но ты в этом сама виновата.

— Господи! Илья, правда?

А мне так хотелось видеть тебя;

Ну зачем я искала тебя, приехала!

Я так много пережила, почувствовала!

Думала о смерти,—

Но умирать ведь не хочется,
Когда многие умирают...—
— Поют! Слышишь? Наши поют!
Идем, идем к ним!
Безо всяких отговорок!
Ты сейчас всё увидишь, всё поймешь!..
А если они не захотят принять тебя, —
Прикажу!..

VIII

Бирюзою перстня божьего
Небо нынче не заткнуто,—
Небо серое.

Но зато и в бурю осенью
На деревьях загорелых
Листья солнятся.

В городах во время праздника
Марш дудит солдатскошагий;—
Разве весело?

Кто, гуляя в праздник по полю,
Будет петь под барабаны
И вышагивать?

Кто захочет пчел и бабочек
Променять на дым—гадюку
Крыши жрущую?

Тоньше пойте девки—барышни,
К нам бегите веселиться
Да отплясывать!

IX

На фисгармонии чердачных скважин
 Ветер подбирает трезвучья для хорала,
 Литаврщик—дождь бьет палками по стеклам,
 А сосны потные потягиваются сонно,
 Вынужденные стоя слушать их...
 — Ну что-ж, пусть слушают,—мы их счастливей.
 Закрой, Герасим, форточку плотнее.—
 За ноги подвешенный к виселице—часовой коробке
 Мотаает маятник головкой плоской...
 — Садитесь-же, друзья, вот здесь поближе, на пол,
 Бедро к бедру, плечо к плечу,—
 О чем-нибудь беседу поведем уютно и покойно.
 Придумал!—мы, свидетели событий новых,
 Давайте вспомним о людском потомстве
 И беспристрастно для него опишем
 Все то, чему свидетелями были мы.
 В наш век нам все-ж приходится мечтать о правде,—
 Старуха—истина противно так живуча,—
 Мысль изреченная есть ложь.
 Ты, Александр, искусный рукописец,
 Возьми перо и вот тебе бумага.
 Иль нет, постой,—
 Пусть лучше каждый пишет торжественно и молча,
 Затем, написанное не читая вслух,
 Свернем листы в пергаментную трубку,

Укупорим в железный черный ящик
 И закопаем где-нибудь под дубом,
 Как золото закапывали встарину.—
 Потомкам будет любопытней, торжественней для нас.
 Друзья, согласны вы, согласны?—
 — Согласны, согласны...—
 — Пишите-же поочередно молча.
 Ну, тихо....

...— Кто ходит там?—Как будто кто-то ходит,—
 Наверно ветер топчется за дверью...—
 — Граждане, ваши документы!
 От имени местной Канцелярии по Благоустройству
 Человеческого Быта
 об'является вам, что это помещение занимается
 под детскую колонию,
 а вам всем немедленно надлежит явиться в Кан-
 целярию...—
 — Позвольте, как-же так?—
 — Да так, идемте,—там разберут.—
 ...В задних рядах сосен вдруг зашумели, замахали,
 вытянулись,—
 Надоело им слушать томительных музыкантов,
 В рядах передних испуганно пригнулись,—залосни-
 лись спины,
 Литаврщик нарочно застучал все чаще, чаще
 И по тарелкам звякнул...
 — Закройте все-таки за собою дверь, товарищ,
 Пока наденем мы дождевики,—
 Слышите—стекло разбило ветром!..—

ТРЕТЬ ГОДА

написано—сентябрь 1919—1920 г.

От старости скрипит земная ось;
На ней вертелся долгими веками
Тяжелый шар, дымящийся парами,
Водой, огнем пропитанный насквозь.

И мастера у бога не нашлось,
И он решил, что люди могут сами
Ее исправить рыжими руками,—
Ведь многое в делах им удалось.

Но человек из своего жилища
Давно устроил для себя кладбища
И к звукам разрушения привык;

И лишь один над пеплом у обрыва
Поднял глаза змеиного отлива,
И это был озлобленный калмык.

Отшельник—эскимос запряг собак
И на охоту выехал за льдины,—
Хотелось свежей жирной моржевины,—
При запахе ее вкусней табак.

На полюсе конец оси земной,
Точенорезный стержень заржавелый,
Погнулся; терся ком оледенелый,
Скрипел в воронке синеватый слой.

И эскимос услышал странный скрип:—
— Кто там на льдинах будто кости пилит?..
У берегов нигде моржи не выли,
Графитный лед полосками прилип.

— Поехать—посмотреть кто—костепил?..—

Собаки дернулись кусаясь, лая...

— О чудо!—странная какая свая!..—

И сани эскимос остановил.

— Хорошая находка—летний дом
На этой свае был-бы очень крепок,
Попробовать свалить,—льдяных прилепок
На ней немного,—обрублю багром—

Качнул,—шатается в хромой дыре,

Качнул еще и вытянул из ямы,

Перебирая плоскими руками;—

Запахло на снегу, как на костре.

Взвалил, донес до льдин, лежавших вкось,
Но столб о что-то в небе зацепился
Концом невидным;—эскимос скривился,
Споткнулся, выронил земную ось.

И медленно проткнулся хриплый лед,
И ось прошла сквозь ком, застряла туго,
Ком наклонился на седьмую круга,
Окрасил льдины солнечный восход...

Какая небывалая зима!—

Февраль,—а поле—пестрая решетка,

Озерное стекло прозрачно, четко,

Как цейсовский двойной анастигмат.

У пулковских раскрытых горловин

К подзорным трубам липнут астрономы:

Склонились к солнцу ледяные комы

От неизвестных никому причин.

В моей столовой на висящем блюде
Награвирован старый Амстердам,—
Какие странные фигурки там,
Какие милые, смешные люди:
Худые крыши с узкими углами,
Шесть парусов распущенных—среди них,
Кареты—домики на мостовых,
Камзолы с буфами и кружевами...
Так хочется, когда случайно взглянешь
На медную картинку на стене,
Быть человеком с бантом на спине,
В высоких туфлях, в парике, в кафтане...
Мясник босой развешивает туши,
Сидит забавный бюргер у дверей,
Шагает франт, ведут гуськом детей,
Разнощик продает большие груши...
И я, теперь такой обыкновенный,
Пускающий из папиросы дым,
Казаться буду милым и смешным
Когда—нибудь, и буду драгоценным.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Безбожник, церкви враг, развратник
старый
Преступник поднялся на эшафот,
Замолкнул гул у городских ворот
Под колокола редкие удары.
И встал судья на желтом возвышеньи
И объявил:—старик Альфред Дюфон
За многие грехи и преступленья
На казнь судом церковным осужден;
Но по законам я имею право
На приговор не налагать печать,
Когда преступника в мужья избрать
Захочет девушка благого нрава.—
Распяты девушки плотнее сжали
Молчали все, и снова встал судья...
— Ох, погодите, я согласна, я!—
Горбунья—нищая в нарядной шали
С пучком цветов с душистою клюкой
Заковыляла на помосте длинном.—
— Я девушка, я до сих пор неьянна,
Я не грешила Матери Святой!..—

При общем смехе горожан трусливых
Преступника спросил косою судья:
— А хочешь ты отдать себя в мужа
Вот этой женщине благочестивой?—
Преступник, церкви враг, развратник
старый

Ответил твердо:—Нет, я не хочу,—
Приятней голову отдать мечу,
Чем после губ Марии, Жанны, Клары
Под старость целовать гнилые рты;
Вот вам последнее мое признание:
Мне ненавистны церкви и посты,—
Глупа их цель—от счастья воздержанье.
И целомудрие твое смешно,
Горбунья глупо любящая бога,
Плети сама свой свадебный венок
И выбирай себе в мужа Святого.

На загражденья минные кривые
Четыре миноносных корабля
Наткнулись ночью. Сбоку, у руля
Рассыпались обломки огневые.

Корабль передний сразу-же ко дну
Пошел с командой, грузом, капитаном,
Тяжелым задом, как тупым тараном,
Прорезал, взрыл морскую глубину.
Второй и третий, шедшие с ним рядом,
Машины не успели повернуть,
Вскочили на бурлящий белый путь;
Запахло море толовым снарядом.

Корабль четвертый медленно назад
Пополз и вылез из огня и пыли,
Сирены сумасшедшие завывали,
По палубе прогромыхал канат... —

На первом миноносце был ваш муж,
А на последнем я. Прошла неделя
С тех пор. Прозрачный траур вы надели,
Как дама на экране в Мулен-Руж.

Наш миноносец в гавань возвратился,
Счастливый, праздничный и молодой
Я выбежал на берег городской
И никогда я так не веселился.

И захотелось мне увидеть вас, —
Не мог-же думать я о чьем-то горе, —
Я „бешено помчадся на моторе“,
Но вас нашел я только лишь сейчас.
    Вы не прогоните меня, Мария. —
    Ведь что случилось, значит суждено...
    Как хорошо у вас, — полутемно,
    Надушено, обои голубые;
А на море так холодно и жутко,
И кажется всё липким, как тюлень,
Норд-ост проклятый дует целый день,
Торчат везде лебедки, трубы, будки...

Стол для дежурного, свисток, печать,
Кому-то присланная телеграмма,
У двери чья-то сморщенная мать,
На стенках чертежи в дубовых рамах...
К чему всё это мне, зачем я тут,
В казарме с паутиной прошлогодней?..
На пристани гудок, — снимают сходни,
Отвалит яхта через пять минут.
А я останусь здесь сидеть до-завтра,
Облокотясь на неудобный стол,
Мне вечером пришлют невкусный завтрак,
И целый день я буду груб и зол;
И в голову мне не придет ни строчки
Для нужного упрямого стиха...
В окне вспотелом крыша, щетки мха,
Два дерева и дно дырявой бочки...
Что смотришь на меня со стенки, бог,
Лукавыми и плоскими глазами,
— Ты видишь эту крышу, этот мох
И этот стол и стены с пауками?..

Тебя нарисовали на холсте
На хорового регента похожим,
А я когда-то без душевной дрожи
Не мог и думать о твоём кресте.
Я знаю—ты совсем не плоскоглазый,
Должно—быть в белом небе ты другой,—
Но для меня ты, бог, теперь такой
Каким тебя рисуют богомазы.

В церковь не пошел к заутрене—
Не хотелось одеваться,
Жду домашних;—разговляться
Позовут из комнат внутренних.

Пасха—невеселый праздник,
Улицы—неосвещенные,
Ходят люди полусонные,
В кухне не торчит лабазник.

— Помню, был когда я маленький.
Перед Пасхой к нам на кухню
Приходил пахучий чухна,—
Пахли пасхой даже валенки;

Чухна нам таскал большие
Разные мешки пудовые,
Нянька, мать, кухарки новые
Были мокрые и злые;—

Гнали все меня в гостиную,
Запирали в круглой спальне,
Но и там я шум пасхальный
Слышал через стенку длинную.

Ну да бог с ним,—раньше было
Много вкусного, веселого—
Я любил над печкой олово
Расплавлять и лить на мыло;

Нянька видит и щипается—
У нея кулак здоровый...
Как, уже едят в столовой?—
Не позвали, разговляются?!

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ ВОЛК

(ВЕЧЕР)

— Ночью я протяну к облакам жесткокожую
руку
И достану луны двухконечный отточенный
крюк,
К одному острию привяжу рукоятку—бамбук
И узлы затяну липкотелой шершавой гадюкой.
С самодельною киркомотыгой в руке вздутожилой
Рано утром взбегу на бугор вороненой горы,
От лохматого солнца кусок отобью неостылый,
Сброшу вниз, на поверхность земли под откосы,
бугры.
И отбитый от солнца кусок, разгоревшийся
камень
Все постройки разрушит, раздавит животных—
людей,
На земле лишь останутся горы из черствых
камней,
Океан и один человек, как при первом Адаме...
— В разнолиственных рощах, в садах свежих—
цветных плодовых,

Где бродили в тени первобытных животных
стада,
Под плодами ходил, слушал тихие свисты и
ревы
Человек первосозданный,—голый, упругий,
Адам,
И единый Адам синеглазый большой без-
заботный
Ни забав, ни работ не нашел для себя одного;
Бог узнал, рассердился и самку создал для него,
И Адам наплодил сыновей, подражая живот-
ным... —
Я один буду жить над отбитым от солнца
осколком,
Но не буду Адамом скучающим в райском
саду, —
Со своей самодельной изогнутой киркоиголкой
Я работу себе на земле закоптелой найду.—
Мне не надо готовых садов с кружевными
ветвями,
Сам свой собственный сад для себя я сумею
создать,
Не слезая с горы обхвачу я кирки рукоять,
Сам один отпихну раскрасневшийся солнечный
камень;
И очищу я быстро поверхность земли от раз-
валин
И в живой океан побросаю обломки и пыль;
Птицы те, что высоко весь день над горами
летали

Будут ночью слетаться ко мне на горящий фитиль;
Разровняю я землю и, если работать устану,
Положу у подошвы горы запылившийся крюк;
И руками поймаю за головы птиц-великанов,
Птичьи шеи сверну, накормлю терпеливых гадюк;
А пахучее желтое мокрое мягкое мясо.
Для себя отделю от приплюснутых перьев,
костей,
Жадно с'ем и пещеру найду посвежей, потемней,
Захочу—отдохну, не узнав от которого часа...—
Голубые обои сереют в натопленной спальне,
Весь завален подушками шелковой длинный
диван,
Много круглых портретов висит, засыхает
тюльпан,
Трехаршинное зеркало светит, журчит умы-
вальник;
Как всегда, наверху опрокинута дымная яма,
В самых верхних квадратах двойного цветного
окна,
Ниже—трубы торчат над неровными крышами
прямо,
Между крышами в яме за дымом трясется
луна...—
— Как-же я дотянусь до луны и до солнца
руками?—
Ведь и я—человек, как и все, трехаршинный
худой,
У меня есть и спальня... О нет, все-ж я очень
большой,—

У меня есть тетради и книги с моими стихами!—
Homo homini lupus est,—я-же должен быть тигром.
Если волк для меня каждый стриженный зверь-
человек;

Но противны мне долгие дикозвериные игры,—
Не могу я давить каждый день по одной голове...
Что стучит за окном?...— а, опять за ограду собора
Пулеметы, двуколки везут, тащат пушку—трубу...
— Что-ж, спасибо, спасибо,—скорей открывайте
пальбу...—

На углу собираются люди в папахах и шпорах...
— Началось, началось,—завели броневик-пулемет,
И бегут, и орут, и ладонями кровь зажимают!..—
Дзинь!—прорвалось стекло...—Надя, пуля попала...
убьет...

Надя, милая Надя, проснись... не пугайся... стреляют!..

РАДОСТЬ

Мясистый красный небольшой мешок,
Привязанный скользящими узлами,
Из трубок-жил чеканными толчками
В себя вбирает густожелтый сок.

Сжимаясь, дергаясь мешок-насос
Переливает сок из трубок в трубки,
Узлы, соски и оболочек губки
Пестрят узорами литых полос...

Как настоящий крепкий человек,
Я рад, что сердце у меня такое,—
Исправный двигатель без перебоев,
Необходимый в прочном мастерстве.

А ты, калека с малокровной кожей,
Свой неисправный, скрюченный комок
Желаешь видеть вычурным, похожим
На сердце—гладкий розовый брелок.

Улыбка твоя и сердце твое
Мне дороже, чем все на свете,
И ты, и ты, и ты, и ты,
И ты, и ты, и ты, и ты.

На прелесть твою, на прелесть твою,
На прелесть твою, на прелесть твою,
На прелесть твою, на прелесть твою,
На прелесть твою, на прелесть твою.

Может, твоя любовь не совсем
Теплая, может, не совсем
Теплая, может, не совсем
Теплая, может, не совсем.

Самая, самая, самая,
Самая, самая, самая,
Самая, самая, самая,
Самая, самая, самая.

Как нежность, как нежность,
Как нежность, как нежность,
Как нежность, как нежность,
Как нежность, как нежность.

А ты, а ты, а ты, а ты,
А ты, а ты, а ты, а ты,
А ты, а ты, а ты, а ты,
А ты, а ты, а ты, а ты.

Р. В. Ц. Петроград. Отпеч. 1000 экз. Зак. 682.

26-я Госуд. типография, Измайловский пр., 26.